

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . . .	7
Как победители проиграли в Мюнхене . . . . .	15
Кому помог пакт Молотова — Риббентропа . . . . .	29
Война Уинстона Черчилля . . . . .	43
Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов. . . . .	80
Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны . . . . .	113
Ленд-лиз: факты и мифы . . . . .	168
Фронтовые дневники . . . . .	183
Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945) . . . . .	206
Как взяли Паулюса . . . . .	235
Майор Георгий Славгородский, комбат . . . . .	254
Военный дневник лейтенанта Владимира Гельфанда . . . . .	276
Капитан Эммануил Казакевич, начальник разведки дивизии . . . . .	310
Настоящая Ольга Берггольц . . . . .	340
Зубы Гитлера . . . . .	373
Краткая библиография . . . . .	388

## ВВЕДЕНИЕ

Двадцать второе июня 1949 года Ольга Берггольц провела в селе Старое Рахино на Новгородчине, в котором из 450 мужчин домой вернулись только 50. В этот день она записала: «Читают больше о войне, хотя сами ее только что пережили. Но все кажется, что это — не она, а была какая-то другая, красивая и героическая».

Тексты, вошедшие в эту книгу, — о той войне, что была на самом деле, а не в романах, кино или на экране телевизора. Автор этих строк, будучи профессиональным историком, понимает недостижимость идеала, сформулированного Леопольдом фон Ранке почти 200 лет назад: «Показать, как действительно происходили события, не делаясь судьей прошлого и не поучая современников», однако полагает, что к этому следует стремиться.

Вряд ли кто-нибудь оспорит тот факт, что история войны (а когда речь идет просто о войне, в нашей стране все понимают, какая именно война имеется в виду) вызывает в обществе наибольший интерес — по сравнению с любым другим событием мировой истории. Согласно данным социологов, в начале XXI века 78% опрошенных россиян назвали победу в Великой Отечественной войне важнейшим событием, которое определило судьбу страны в XX веке; 87% заявили, что гордятся победой (почти по Льву

Лосеву: «Хорошего — только война»). При этом 68% опрошенных полагали, что о Великой Отечественной войне «всей правды» мы не знаем.

С последним утверждением трудно спорить. «Правда» о войне имела свойство столько раз меняться в зависимости от политической конъюнктуры или ведомственных интересов, что буквально голова могла пойти кругом. К примеру, в марте 1946 года Иосиф Сталин в интервью газете «Правда» заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также вследствие немецкой оккупации и угона советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек». Пятнадцать лет спустя, в ноябре 1961 года, Никита Хрущёв в письме премьер-министру Швеции назвал почти втрое большую цифру: «Разве мы можем сидеть сложа руки и ждать повторения 1941 года, когда германские милитаристы развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей?» Наконец, 9 мая 1990 года Михаил Горбачев сообщил, что война «унесла почти 27 миллионов жизней советских людей». Что же касается статистики потерь советских Вооруженных сил, включая крупнейшие сражения Великой Отечественной, то они были обнародованы в книге военных историков «Гриф секретности снят» лишь в 1993 году, без малого через 50 лет после окончания войны.

Или совсем свежий образец радикального изменения отношения еще к одному историческому событию. На протяжении более чем 40 лет в СССР

отрицалось само существование секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа. Публикация в 1948 году Госдепартаментом США текста секретных протоколов по трофейной немецкой фотоконии и других документов о советско-германских отношениях накануне войны вызвала оперативный ответ советского Министерства иностранных дел под названием «Фальсификаторы истории», с подзаголовком «историческая справка». Назвав публикаторов документов «фальсификаторами и клеветниками», анонимные авторы «исторической справки» при этом ни словом не упомянули секретные протоколы. В вышедшей 500-тысячным тиражом брошюре не должно было содержаться даже намек на опасный документ. В 1989 году II съезд народных депутатов СССР денонсировал пакт Молотова — Риббентропа, признав секретные протоколы «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Денонсировали на основе копий, хотя подлинник хранился в «закрытом пакете» генерального секретаря ЦК КПСС. Однако у Горбачева «рука не поднялась» его обнародовать. Предъявили подлинники «городу и миру» после краха коммунистического режима, на пресс-конференции 27 октября 1992 года.

Тем не менее еще в начале нынешнего века четверть опрошенных социологами граждан РФ отказывалась верить в подлинность протоколов. Но в наши дни — на флоте есть такая команда, «поворот все вдруг» — некоторые российские политические деятели объявили пакт Молотова — Риббентропа величайшим

достижением советской дипломатии. Более того, в Государственную думу Российской Федерации внесен законопроект, который признает не действующим на территории России постановление Съезда народных депутатов СССР от 1989 года об осуждении пакта Молотова — Риббентропа. Любопытно, как будет обстоять дело, когда в руках читателя окажется эта книга.

Один из спорных вопросов, который рассматривается в этой книге: кто на самом деле выиграл от пакта Молотова — Риббентропа? В книге, собственно, несколько пересекающихся линий, в том числе международные аспекты истории войны (Мюнхенское соглашение, ленд-лиз), которые в конечном счете повлияли на судьбы героев этой книги. При этом идет ли речь о предвоенной дипломатии или о других сюжетах, я стараюсь показать события через восприятие современников, как главных действующих лиц, так и «сторонних» наблюдателей, иногда удивительно точно их оценивающих. Гораздо точнее, чем тогдашние политики.

Главные герои этой книги — те люди, чьи совокупные усилия в конечном счете привели к победе над нацизмом. Конечно, наряду с усилиями миллионов других людей. Среди них и исторические фигуры (Уинстон Черчилль), и военные, сыгравшие заметную роль, вроде подполковника Леонида Винокура, «с большевистской бесцеремонностью» ворвавшегося в штаб свежее испеченного генерал-фельдмаршала Паулюса, чтобы потребовать его сдачи в плен, и «голос блокадного Ленинграда» Ольга Берггольд,

и вчерашний школьник, минометчик лейтенант Владимир Гельфанд, единственным «приятелем» которого на войне стал дневник, и выпускник пединститута Георгий Славгородский, мечтавший стать настоящим интеллигентом и писателем, но преуспевший совсем на другом поприще — военном.

Очень часто в книгах о войне люди рассматриваются как функция. Я старался показать, какими они были, чем жили. А жили они, как и положено людям, не только войной. Ведь на войне не только воюют. На войне любят, выпивают, играют в карты, воруют, мечтают. Почти во всех случаях я опирался на эго-документы: преимущественно дневники, а также рассказы, записанные по горячим следам событий, на письма военного времени, редко — на воспоминания, написанные «в стол», не для печати. Это, в особенности дневники, наиболее аутентичные свидетельства о Второй мировой / Великой Отечественной войне. Что важно: авторы дневников не знают, как «положено» писать о войне, иногда они не знают, доживут ли до следующего дня, а то и часа.

Еще одна сквозная тема книги — сталинизм и война. Военные историки и историки сталинизма принадлежат как будто к разным «кастам». Существует огромная литература, посвященная 1930-м годам, существенно меньше, но тоже немало написано о периоде позднего сталинизма, но в период войны сталинизм в литературе если не исчезает, то очень сильно трансформируется. На самом деле «исчезают» скорее историки сталинизма, которые, по словам

британского историка Стивена Ловелла, «не знают толком, что делать с периодом войны». Сталинский режим во время войны действительно, с одной стороны, показал свою способность применяться к обстоятельствам, с другой — его сущность принципиально не изменилась. Социум по-прежнему управлялся в значительной степени путем применения насилия: в 1941–1945 годах было осуждено свыше 16 миллионов человек. Это превосходит любой сопоставимый по времени период в советской истории. Особенно наглядно двойственность сталинской политики военного времени демонстрирует история «взаимоотношений» с Церковью: беру слово «взаимоотношения» в кавычки, ибо о «диалоге» говорить не приходится. На самом деле государство использовало Церковь в своих политических, преимущественно внешнеполитических, интересах и одновременно осуществляло репрессии против священнослужителей и обычных верующих, в особенности против тех, кто не желал иметь дела с сергианской церковью. Это была улица с односторонним движением, причем для многих она вела в лагеря.

Однако история сталинизма военного времени — это не только история режима. Это история людей, восприятия ими действительности, отношения к режиму и вождю. Георгий Славгородский, один из тех, кто считал себя бенефициаром (не употребляя, конечно, этого слова) режима, хотел передать свои впечатления о сталинской эпохе будущим поколениям. Владимир Гельфанд поверял свои сокровенные

чувства дневнику: «Мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, мой вождь, мой учитель, моя слава, гений, солнце мое большое». Другие вовсе не упоминают ни Сталина, ни родину, ни партию. Ольга Берггольц вполне осознавала двойственность собственного существования и поведения; уже в апреле 1942 года она понимала, «какая ложь и кошмар все, что происходит», и предвидела, что «после войны ничего не изменится». Предвидение сбылось. Вынужденная, как и другие писатели, выступать агитатором во время выборов, она констатирует: «Выборы вообще — циничный и постыдный балаган, „демократическая вершина“ которого — неприличная осанна папаше?.. И я, отчетливо сознавая это, буду что-то лопотать на агитпункте перед собранными сюда старухами и бабами — о демократии, о кандидатах и т. д.! Я делаю это по самой простой причине: из страха, из страха тюрьмы. Вот и вся сущность нашей демократии на сегодняшний день». Впрочем, не буду пересказывать книгу.

Наконец, еще одна тема книги — женщины на войне. О женщинах в Красной армии существует обширная литература. Посвящена она преимущественно воинским подвигам представительниц прекрасного пола. О женщинах-снайперах и летчицах написано больше, чем обо всех других женщинах-военнослужащих. Между тем в армии служили почти полмиллиона женщин. И одной из главных проблем, с которыми они сталкивались, как, впрочем, и женщины-снайперы и авиаторы, были взаимоотношения с мужчинами.



Очевидно, что отношения мужчин и женщин во время войны коренным образом изменились. И не могли не измениться в условиях, когда около 34 миллионов мужчин были призваны в армию накануне и во время войны, и сложилась ситуация, когда женщины остались без мужчин, а мужчины — без женщин. Причем соотношение женщин и мужчин на фронте и в тылу было прямо противоположным: в тылу был дефицит мужчин, на фронте — женщин. Как и во всех других случаях, гендерные отношения в Красной армии рассматриваются прежде всего на основе эго-документов военного времени.

Перечисленные темы не исчерпывают сюжетов, которые затрагиваются в книге. Остается ее прочесть.